

Долгов В.В. Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI–XIII веков: Учебное пособие. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1999. 250 с.; *Он же.* Древняя Русь: мозаика эпохи. Очерки социальной антропологии общественных отношений XI–XVI вв. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 217 с.

Ижевский историк В.В. Долгов давно и плодотворно занимается изучением общественного сознания домонгольской Руси. Результаты его творчества отражены в двух книгах. К сожалению, их постигла судьба многих научных трудов, увидевших свет в провинциальных университетских издательствах: коллеги из других городов далеко не всегда имеют возможность ознакомиться с ними.

Первая книга В.В. Долгова является учебным пособием и состоит из пяти очерков. Чрезвычайно полезный для студентов первый очерк («Общественное сознание как предмет исследовательской работы. Подходы к изучению общественного сознания») посвящен обзору основных котирующихся ныне научных школ изучения общественного сознания — социологической, психологической, семиотической, антропологической и т.д. Его содержание не оставляет сомнений, что В.В. Долгов является приверженцем методов школы «Анналов». Вместе с тем он вполне обоснованно указывает на целый ряд работ отечественных ученых, которые независимо от западноевропейских историков выдвинули идеи в духе антропологически ориентированной истории. В этом почетном ряду особое место отводится «Людям и нравам Древней Руси» Б.А. Романова.

При написании последующих очерков использован внушительный корпус источников — в основном письменных, или, по терминологии В.В. Долгова, «вербальных». В первую очередь, это русские летописи, памятники агиографии, поучения, переводные произведения, другие нарративные источники. В меньшей степени — и это естественно — привлекаются акты и эпос.

Второй очерк («Общественно-политическая мысль Древней Руси. «Книжные представления». Сфера идеологий») посвящен идеологическим представлени-

ям древнерусских книжников — сфере культуры, которая испытала сильное византийское влияние и на изучении которой было сосредоточено внимание отечественных ученых. Согласно В.В. Долгову многие заимствованные из Византии идеи были творчески переработаны в соответствии с реалиями древнерусской жизни. Одному из фундаментальных положений византийской политической мысли — концепции «власть от Бога» — русские книжники уделяли минимум внимания. Интерес к ней вырос в период кризиса рубежа XI–XII вв., однако, по большому счету, эта идея так и осталась невостребованной. Более актуальными были концепции «казней божьих» и мирского благочестия. «Одной из самых популярных и влиятельных в древнерусской книжной культуре» была концепция «братолюбия». Она родилась из сочетания византийского и древнеславянского наследия. Основу ее составляли представления о том, что «самая близкая аналогия божественной любви в древнерусской литературе, земное воплощение ее — это любовь братская... Именно в этом значении понятие любви стало основой представлений об идеальных отношениях в обществе» (С. 83, 87).

В третьем очерке («Обыденные представления об обществе: социальная стратификация, власть») рассматриваются обыденные представления о социально-политическом строе. Автор пишет о доминировании в древнерусском массовом сознании бинарных оппозиций типа «мужчины—женщины», «богатые—бедные», «свои—чужие». В Западной Европе XI в. были широко распространены представления о трехчастном делении общества на духовенство, воинов и «трудящихся». Подобные различия связываются с тем, что в русском обществе XI–XII вв. основу вооруженных сил составляло народное ополчение. Рыцарство еще

не сложилось, а потому защиту от внешних врагов обеспечивали те же горожане и земледельцы-общинники.

Анализируются и такие термины, как «люди», «богатые», «лучшие». «Взгляд изнутри» на древнерусских бояр мог быть и более пристальным. Вообще же сравнение древнерусских представлений о социальной стратификации с современными им западноевропейскими установками, как мне представляется, не всегда оправданно. С.М. Каштанов, которого трудно причислить к сторонникам И.Я. Фроянова, считает возможным сравнивать Русскую Правду с «варварскими правдами» V–IX вв., а русское летописание — с западной анналистикой VI–X вв.¹

Следующий важный вывод В.В. Долгова — о необходимости противопоставления свободных и зависимых по линии «полноправный—неполноправный», а не «свободный—раб» — имеет право на существование, однако нуждается в дополнительной аргументации. Как известно, «свободный муж» или «свободные люди» только в Пространной Правде упоминаются 7 раз (ст. 37, 62, 65, 66, 85, 87, 121). Можно сослаться и на то место в «Житии Авраамия Смоленского», где говорится, что к Авраамии приходили «работнии же и свободнии».

Анализ массового политического сознания позволяет понять, почему византийская концепция «власть от Бога» не имела никаких шансов утвердиться на древнерусской почве. В XI–XII вв. на Руси еще не изжились представления о князе как племенном вожде эпохи военной демократии, наделенном сверхъестественными возможностями в силу своего происхождения, а не занимаемого поста. Свободное и, в массе своей, вооруженное население осознавало себя не княжескими подданными, а полноправными участниками политической жизни. Иначе говоря, древнерусское общество во многом еще живет понятиями догосударственной ментальности.

Четвертый очерк («Человек в малой группе. Нормы поведения. Личная жизнь») является, пожалуй, самым интересным разделом книги. Важно подчеркнуть и то, что рассматриваемые в нем сюжеты почти не разрабатывались предшественниками В.В. Долгова. Сложившиеся к XI–XII вв. этические нормы осуждали жадность и стяжательство, требовали осмотрительности в выборе знакомых и верности друзьям. У мужчин забота о семье вполне уживалась с устойчивыми представлениями о жене как сущем наказании для главы семейства, причем соответствующие воззрения опирались не только на отвлеченные богословские рассуждения, но и на приземленную житейскую практику. Состояние источников таково, что в основном приходится говорить о верхних и средних слоях древнерусского общества, и к тому же горожанам. В сельской местности отношения между супругами, по-видимому, имели свои особенности, а положение женщины было более принижено.

Воспитание детей возлагалось на обоих родителей, которые были искренне убеждены в плодотворности физических мер воздействия. Важной сферой воспитания, по крайней мере, среди городского населения, считалось образование, обучение грамоте, хотя в общественном сознании XI–XII вв. ценность знаний как таковых была очень невелика.

По типу половой морали русская культура XI–XII вв. обычно относится к антисексуальным. Во всяком случае, такой вывод можно сделать после анализа древнерусской литературы. Однако реалии повседневной жизни далеко не всегда соответствовали активно внедряемым нормам аскетического поведения. Требованиям церковной морали противостояли допускающие половую свободу традиции славянского язычества. Обратившись к досугу древнерусского человека (точнее, мужчины), В.В. Долгов основное внимание уделит, конечно же, проблеме общения наших предков с зеленым змием. На Руси этой

¹ См. напр.: Каштанов С.М. Источниковедческие основы компаративного метода в истории // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 1996. С. 33.

форме проведения досуга отдавали явное предпочтение в сравнении, скажем, с чтением, игрой в шахматы и т.д.

Далеко не всегда уважительное отношение мирян к духовенству лишний раз доказывает, что декларируемые церковью и лучше отраженные в источниках этические нормы нередко расходились с повседневной практикой и моральными установками древнерусского населения. Порою монахов рассматривали как лентяев, любителей беззаботной жизни за чужой счет: не случайно появилась примета, что встреча с монахом приносит несчастье. Монахи своим поведением частенько создавали почву для подобных пересудов. Это не означает, что сознание человека XI–XIII вв. остается на 100% языческим — постепенно христианские ценности приходят на смену ориентирам эпохи язычества.

Картина внешнего мира — ей посвящен пятый очерк («Внешний мир. «Чужие—свои») — древнерусскому человеку рисовалась весьма пестрой. В реальной политической жизни под «чужими» чаще всего подразумевались жители других русских земель-волостей. Симптоматична фраза «свои поганые» из Поучения Владимира Мономаха. Согласно В.В. Долгову мысль о единстве Древней Руси была достоянием, в первую очередь, книжной культуры, а не рядовых «простецов». Идея единения подпитывалась осознанием общности не столько этнической, сколько профессиональной принадлежности, а потому не имела шансов овладеть умами древнерусских полухристиан-полуязычников. Отношение к иным этносам — «немцам» (т.е. немцам) только подчеркивает это обстоятельство. В христианской книжной культуре доминировала классификация чужаков по религиозному признаку, однако на бытовом уровне сложились иные стереотипы: с иноверцем можно сидеть за одним столом, торговать, лечиться у него, зато единоверцы-византийцы заслужили самые нелестные оценки. Настороженное отношение к чужестранцам вызывалось скорее недостатком информации, чем сознательной ксенофобией.

Общий вывод В.В. Долгова вполне укладывается в рамки концепции И.Я. Фроянова и сводится к тому, что ментальность русского человека XI–XIII вв. существенно отличалась от установок рядового жителя Московской Руси. В политической плоскости это подразумевает наличие полноправной и деятельной личности, труженика и вместе с тем воина; гражданина, причастного к управлению городом-государством. В психологическом плане русский человек домонгольской эпохи оставался в плену языческих представлений.

Увидевшая свет в 2004 г. вторая книга В.В. Долгова не случайно имеет в своем названии слово «мозаика»: она «представляет собой сборник статей, объединенных в тематические очерки по ключевым темам: становление Руси XI–XIII вв. как этнической и политической общности; формирование социальных типов древнерусского общества; обыденного мировоззрения и структур повседневности; развитие русской культуры после монгольского нашествия (XIII–XVI вв.)» (С. 2). 10 из дюжины статей связаны с тематикой первой книги, подчас просто детализируют сюжеты пятилетней давности.

Содержание первого очерка («Государство в идеологии и общественном сознании») сводится к трем статьям. В.В. Долгов убежден в том, что «пути осмысления феномена Руси летописцем в достаточной степени отличались от того шаблона, с которым часто подходят к его произведению исследователи наших дней». В центре внимания автора ПВЛ были не народ и не государство, а «земля/страна» — сложное понятие, в рамках которого «конструируется осмысление этно- и политогенетических процессов... Это и территория, и общность, культурное и политическое пространство, взятое в неразделимом единстве» (С. 16). Нет ничего удивительного в том, что для политики Ярослава Мудрого в духе византийской имперской идеи «характерна ориентация на внешние, «представительские» признаки значительности и величия, понимаемые вполне по-варварски, то есть

без особого внимания к сущностной стороне, к тонким оттенкам значения, придаваемым этим символам в рамках культуры, их породившей». Приемники Ярославла были совершенно равнодушны «к возможности самим стать в том или ином виде «императорами»» (С. 20–21). В ряду внешних заимствований, которые так и не смогли укорениться на Руси XI–XIII вв., оказались и княжеские венцы.

Во втором очерке («Общество и социальные типы в Древней Руси XI–XIII вв.») внимание В.В. Долгова сосредоточено на древнерусских интеллектуалах и купцах. По мнению ученого, на Руси практически до XVII в. сохранялась культурная среда, типологически близкая раннесредневековой; интеллектуальная деятельность «не имела устойчивых форм специальной социальной организации, а существовала в «растворенном» состоянии, смешиваясь то с церковным служением, то с ремеслом, то с политической деятельностью» (С. 37–38, 47). Характер образования людей, считавшихся «философами», т.е. мудрецами, заставляет думать, что, по сути, оно заключалось в изучении богословской и светской литературы — отсюда «особенное отношение к книге, являющееся одним из фундаментальных, характерных черт русской культуры с древности до настоящего времени». Впрочем, «полностью самостоятельное обучение воспринималось скорее как нарушение нормы, чем как обычное положение вещей» (С. 40–41). Конечная цель образования высшего порядка — «не столько овладение знаниями, сколько приобретение навыка понимания, истолкования фактов жизни и Святых книг, христианского мировоззрения» (С. 44). Что касается купцов, то на Руси X в. их невозможно отличить от воинов-дружинников. Затем пути купцов и военной аристократии разошлись (С. 56, 59).

Третий очерк («Обыденное мировоззрение и структуры повседневности Древней Руси XI–XIII вв.») начинается с теоретического экскурса, призванного обосновать возможность использования памятников переводной литературы для

реконструкции обыденных представлений рядовых жителей домонгольской Руси. Согласно В.В. Долгову «само наличие *списка* произведения является показателем определенного к нему *интереса*, а значит, и влияния книги на общественное сознание» (С. 71).

Неотъемлемой частью картины мира раннего русского средневековья были чудеса и знамения. «Постоянная готовность к восприятию чуда имела вполне определенную функцию в общественном сознании: это была ниша для «укладывания» в общую картину мира фактов, необъяснимых с позиции тривиального житейского опыта» (С. 87). Далее следуют сюжеты о любви и сексуальности, детстве и этапах взросления древнерусского человека, болезнях и их лечении на Руси XI–XIII вв.

Четвертый очерк («Пути развития русской культуры после монгольского нашествия») отличается от предыдущих не только хронологическими рамками, но и манерой изложения материала. Сначала В.В. Долгов посвятил несколько страниц «реабилитации» Александра Невского перед лицом «суда истории» и полемике по этому поводу с И.Н. Данилевским, а затем на 60 страницах рисует многоплановую картину развития российской государственности и культуры в XIV–XVI вв. (С. 155–215).

В очерке можно встретить немало заслуживающих внимания оценок и суждений, и все же читатель имеет дело с текстом, который, как сказал бы Д. Тош, создан на основе вторичных источников. Я рассматриваю этот раздел как своеобразную программу будущих исследований на благодатной ниве антропологически ориентированной истории.

В 1991 г. Ж. Ле Гофф выражал надежду, что знакомство с его «Цивилизацией средневекового Запада» «сможет дать русским читателям кое-какие ключи для лучшего понимания иного Средневековья — Средневековья их предков»². Книги В.В. Долгова свидетельствуют о том, что это пожелание было услышано в России.

С.С. Пашин

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 7.